
ОТЗВУК И ОТКЛИК. ТАКСОНОМИЯ СОЦИОЛОГИИ ВООБРАЖЕНИЯ

А.С. Галанзовский

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Ул. Ожешко, 22, 230023, Гродно, Беларусь
mail@grsu.by*

Научный руководитель: Аветян Н.С., кандидат социологических наук, доцент.

Изучая формирования воображения, мы сталкиваемся с необходимостью его таксономии. Если сперва этот феномен может показаться умозрительным, то чем старательнее мы проводим разграничение его атомарных форм, тем сильнее мы утверждаемся в рассмотрении пространственных ориентаций социального действия, понимания и непонимания, отзвука и отклика.

Ключевые слова: *отзвук; отклик; артефакт; образ; феномен; энаромация; воображение.*

Присутствующее и отсутствующее – это два фрагмента речи воображающего. Утверждая присутствие какого-либо явления, мы одновременно устанавливаем разнородные толкования об его отсутствии – от положения в пространстве до временных ориентаций. И это не вопрос на манер: нечто есть, или ничего нет? Напротив, вопрос ставится следующим образом: если нечто есть, почему оно может не быть?

Г. Башляр, изучая поэтические образы пространства в книге «Поэтика пространства», приходит к психологическим двойникам: отзвук и отклик. Отзвуки распространяются в различных аспектах нашей жизни в этом мире, а отклик призывает нас задуматься о глубине нашей внутренней жизни. В отзвуке мы слышим стихотворение, в отклике мы даем ему наш голос, оно становится нашим. Кажется, что бытие поэта стало нашим бытием [2, с. 15]. Стало быть, в феномене воображения (в форме регистрации) мы встречаем: во-первых, отзвук – чистый фрагмент речи, некоторая акция, исходящая от чего-либо от объекта или субъекта; во-вторых, отклик – то, что подменяет одно бытие другим, реакция или фиксация направленной от отзвука информации. Отзвук наделяет нас чистым нарративом (мифологемой, моделью а ргіогі), в отклике мы даем ему собственный голос, рефрен.

Какова судьба Отзвука? Ж. Деррида в своем эссе «Кроме имени» указывает на бинарную композицию мифа о Вавилонской башне, между Вавилоном местом (в качестве со-бытия) и какой-то невещественной

вещью (не подвергнутой деконструкции хоры – анахронизм бытия). Место дающее место Вавилонской башне не должно быть недеконструируемым, но не как конструкция, имеющие прочные основы, а как сама расстановка деконструкции [5, с. 127]. Касательно хоры, нам следует понимать что она единообразна, вещь или событие взятое в чистом виде составляет лишь недоказуемую гипотезу существования, подвергая ее деконструкции (находя Вавилон уже разрушенным) мы сопоставляем это явление с догматикой нахождения, именно с понимания пространственности как отдаленности и близости, начинается обрушение Вавилона и установление за ним места, но уже не как некоторого соучастия в этом онтологическом имперфекте со-бытия, но в качестве трагичной смены (подмены) воображаемого на существующее. Отзвук мы находим и в центральной для социологии воображения работе Ж. Дюрана «Антропологические структуры имажинэра»: чтобы «жить напрямую через образы», воображение должно быть достаточно смиренным, чтобы соблаговолить и создать множество образов. Если человек отказывается от этого первоначального смирения и того, чтобы отдаться феномену образов, то никогда не начнётся – ввиду отсутствия возбуждающего элемента – то «звучание», которое приводит в движение все феноменологические явления [1, с. 29]. Выходит, отзвук – есть некоторый первичный удар, удивление (с этого у Платона начинается философия), это место, что еще не занесено на карту – там обитают драконы (Hic sunt dracones).

В чем основания Отклика? Здесь обратимся к феномену артефакта у М. Вебера, выраженный в работе «О некоторых категориях понимающей социологии». Современный потребитель обычно лишь в самых общих чертах представляет себе технику изготовления повседневно употребляемых им продуктов, а подчас не ведает даже, из какого материала и в какой отрасли промышленности они создаются. Его интересуют лишь практически важные для него аспекты этих артефактов [4, с. 543]. Мы же представим его так: артефакт – это вещь, наделенная свойствами, которые раскрываются индивидууму лишь на основании устоявшейся практики использования, без целокупного понимания всех свойств вещи. Эта повседневная манипуляция с артефактами, может быть действительна лишь при обращении к смыслу применения, механизм будет действителен только лишь исходя из ожидаемого отклика. Феномену смысла артефакта, который далее мы будем называть энаромацией (восхищение, ибо он уже подвергнут отзвуку), можно раскрыть на два типа: во-первых, гомеопатическая энаромация – когда использование одного артефакта раскрывает нам подобие манипуляций с другим, к примеру: нажимая красную кнопку на одном объекте я получаю какое-либо явление, усмотрев

ее на другом, это явление, как мне думается, будет сходным; во-вторых, контагиозная энаромация – используя артефакт, я предполагаю что каждый обнаружит в нем сходное явление и его раскрытие (в качестве суммы явлений, набора свойств) будет единообразным, к примеру: сталкиваясь с картиной (доселе мне неизвестной), я обнаружу в ней набор свойств (от гаммы до сюжета), если на нее посмотрит другой (при равных условиях), он растолкует ее в подобных же формах.

У А. Бергсона же, в его труде «Материя и память», мы сталкиваемся с понятием тела и окружающими его предметами, последние отражают возможное действие тела. Тело мое – предмет, предназначенный для передвижения других предметов, – есть, следовательно, только центр действия; оно не может породить представления [3, с. 419]. Его мы можем представить, как нечто инструментальное, оно словно срастается с артефактом – находит в нем свое продолжение и смысл (преобразовывать сущее в подручное, в возможное для понимания по отношению к телу). Когда кто-либо задается вопросом о бытии и ничто, он непременно столкнется с тотальным экзистенциализмом, исходящим от его тела-отклика, говоря о ничто его рассудок с несомненной точностью ответит ему замогильным символизмом.

Отклик – неопределенное и непосредственное взаимовлияние, отзвук, деконструируясь, в итоге образует единообразие, в смысле повторяющегося действия отклика. В отклике мы подчинены телу, наделенному возможностью манипуляции с окружающим миром. Таким образом, драконы сделались картографическим знаком береговой линии.

Вернемся к нашему вопросу: если нечто есть, почему оно может не быть? Вообразим себе Вавилонскую башню. Существует ли она? Определенно нет, но способны ли мы толковать башню как феномен или не является ли падение башни воображаемым? Существовала ли история до человека? Когда человек сталкивается с природой – как нерушимым законом – его сражает хронометричность жизни, когда он старательно размышляет над увиденным, то приходит к себе как первооткрывателю – человек обретает воображение и свое тело (тело Вавилона и тело инструмента). Теперь же человек сталкивается лишь с техникой, она зачинатель современного отзвука, не истонченные формы стебля и его обрушение в увядание, но гулкий шум цеховой машины или ритуальный призыв лифта, вызванный откликом тела на отзвук кнопки. Нечто есть лишь потому, что некто (которого уже нет) готов это наблюдать и этим манипулировать.

Библиографические ссылки

1. Durand G. The anthropological structures of the imaginary. Australia: Boombana Publications, 1999. 448 с.
2. Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 320 с.
3. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999. 1408 с.
4. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
5. Деррида Ж. Эссе об имени. М.: Алитея, 1998. 192 с.

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С.П. Грибановский

*Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий,
Пр. Шмидта 3, 212027, Могилев, Беларусь
hribanofsky@gmail.com*

Статья посвящена исследованию феномена интернет-зависимости. Рассматривается история возникновения понятия интернет-зависимость, описываются основные черты данной зависимости, масштабы ее распространенности и негативные последствия. На примере оригинального социологического опроса анализируются особенности интернет-зависимости учащейся молодежи Беларуси.

Ключевые слова: Интернет; интернет-зависимость; молодежь; Республика Беларусь

Феномен интернет-зависимости стал предметом научного исследования сравнительно недавно. Впервые сам термин «интернет-зависимость» предложил американский психиатр и психофармаколог Айвен Голдберг в 1995 году. Голдберг описывал интернет-зависимость как дезадаптационный способ применения Интернета, оказывающий пагубное воздействие на бытовую, учебную, социальную, рабочую, семейную, финансовую или психологическую сферы деятельности человека. Примечательно, что автор данного определения ввел его в научный оборот в качестве своеобразной шутки, взяв за основу реальные критерии американской классификации психических расстройств DSM-IV (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders). Спустя десятилетие, уже в 2006 году Голдберг подтвердил, что по-прежнему не считает интернет-зависимость «настоящей зависимостью» [1, с.57].

Тем не менее, научное сообщество восприняло проблему интернет-зависимости достаточно серьезно. Так в 1995 году американский клинический психолог, профессор Питтсбургского университета Кимберли Янг основала первый в мире центр интернет-зависимости в